

«Жизнь и приключения» одного крещеного еврея:
к вопросу об адаптации неофитов
в Российской империи XVIII в.

В статье анализируется группа источников, освещающих этапы биографии крещеного еврея из Салоников Ивана Павлова, приехавшего в Россию в 1753 г. За время пребывания в стране Павлов приобрел богатейший опыт по взаимодействию с государственным бюрократическим аппаратом, а также лично являлся на прием к императрице Елизавете. На основе архивных источников автор реконструирует один из возможных путей адаптации неофита еврейского происхождения в новой для него социокультурной среде. Статью сопровождает публикация прошения неофита на Высочайшее Имя, в котором излагается весьма нетривиальная биография просителя, претендующая на «послужной список», столь важный для обоснования получения государственной поддержки.

Ключевые слова: переход в православие, евреи в Российской империи, иудеи, иноверцы, адаптация.

За годы правления императрица Елизавета Петровна предпринимала активные действия по улучшению нравственного и религиозного состояния своих верноподданных. Одним из направлений ее политики стала борьба с распространением иноверных вероисповеданий, прежде всего с так называемыми «внутренними иноверцами» – жителями восточных территорий империи. Неслучайно расцвет деятельности Новокрещенской конторы, в ведении которой с 1740 г. оказалась прежде всего миссионерская деятельность среди язычников и мусульман Поволжья и Урала,

© Герасимова В.А., 2017

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект 14-31-01277 «Переход евреев в православие в Российской империи последней четверти XVIII в.»).

основанной еще в 1740 г., пришелся на 40–50-е годы XVIII в. Анализ законодательных актов, выпущенных императрицей, проведенный Т.Б. Заболаевой, явно свидетельствует о негативном отношении Елизаветы к различным группам инакомыслящих и иноверных: старообрядцам, армянам, мусульманам, язычникам, цыганам и другим¹.

Не остались без «Высочайшего внимания» и евреи, чье присутствие в пределах Российской империи и ранее ограничивалось законодательно². Вскоре после восшествия на престол, 23 декабря 1742 г., императрица Елизавета издала именной указ «О высылке из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру греческого исповедания»³. Требование подобного рода из уст самодержца звучало не впервые, однако появилось в нем и нечто принципиально новое: впервые на официальном уровне было озвучено единственное условие, при котором евреям дозволялось проживать в России, – крещение.

Разумеется, крещеные евреи и ранее оказывались в России. Еще в середине XVII в. фиксировались сюжеты о выкрестах еврейского происхождения в Московском государстве (к этой группе относился и отец видного российского государственного деятеля Петра Павловича Шафирова). Среди приближенных Петра I крещеные евреи не были редкостью: достаточно вспомнить первого Санкт-Петербургского полицмейстера Антона Мануйловича Девиера или придворного шута Лакосту. Однако эти персонажи довольно широко известны, о них пишут как в научных, так и в публицистических изданиях не только на русском, но и на английском, идише, испанском, датском и других языках. Менее выдающимся крещеным евреям, их биографиям и особенностям самоидентификации, к сожалению, внимания не уделяется ни в научной, ни в публицистической литературе. Между тем обращение к персональным историям евреев, покинувших лоно иудаизма, позволяет изучить такие важные проблемы, как стратегии адаптации неопитов в новой социокультурной среде, особенности их взаимодействия с представителями официальных властей, специфику государственной политики в отношении новокрещеных иноверцев. В центре внимания данной статьи – персональная история одного человека – крещеного еврея Ивана Павлова. Публикуемый же источник представляет собой первое прошение Павлова, направленное им сначала в Коллегию иностранных дел,

а затем в Канцелярию Синода. Биография этого человека, подробно изложенная в прошении, больше напоминает авантюрный роман, однако узнаем о жизни этого, в сущности, ничем более не примечательного человека мы лишь благодаря его настойчивости и изобретательности. Дела о нем отложились в фондах центральных государственных архивов – Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Российского государственного архива древних актов (Москва), все они вводятся в научный оборот впервые, публикуемый документ хранится в Санкт-Петербурге.

Логично было бы предположить, что елизаветинский указ 1742 г. о запрещении евреям проживать в России и необходимости креститься в обмен на право жительства здесь, как и многие другие, останется законом на бумаге, в реальности же не возымеет никакого действия. Однако парадоксальным образом архивные источники свидетельствуют об обратном: с момента выхода указа поток евреев, желавших перебраться в Российскую империю для постоянного проживания даже ценой смены веры, не иссякал. Стоит заметить, что более корректно было бы говорить не просто об увеличении потока переселенцев-евреев, а скорее об увеличении количества дел в архивохранилищах, посвященных переходу иудеев в православие в исследуемый период. Немногие сохранившиеся дела более раннего периода, прежде всего на русско-польском пограничье, в Киеве, свидетельствуют об отсутствии четкой официальной бюрократической практики приема неофитов еврейского происхождения в православную церковь⁴.

Официальная процедура перехода из иудаизма в православие начала складываться после выхода указа 1742 г. Первым шагом на пути к признанию соискателя в качестве православного становилось его обращение к официальным представителям государственной власти. Для этой цели Иван Павлов, будучи уроженцем турецкого города Салоники, избрал первый же пограничный город Киев, где, изложив свою историю, получил документы от киевского обер-коменданта Костюрина и прибыл в Москву в 1753 г. Заметим попутно, что для большинства въезжавших в Россию евреев в этот период Киев и Левобережная Украина становились конечным пунктом назначения: после прохождения официальных инстанций, принятия присяги и получения паспорта новоиспеченный российский подданный отправлялся на поиски нового места жительства. Однако у Ивана Павлова были иные планы. Сразу же по получении паспорта для проезда в Великороссию иностранец отправился в Коллегию иностранных дел, где потребовал обеспе-

чить ему материальную помощь на основании его статуса. Обращение в официальные инстанции Павлов снабдил пространным рассказом о своем «превращении» из турецкого еврея в российского православного, прибегнув для составления прошения к помощи студента Московской славяно-греко-латинской академии Петра Дмитриева⁵.

Прощение представляло собой весьма нетривиальный рассказ об «удивительных приключениях» уверовавшего во Христа сына одного из богатейших евреев турецких Фессалоников. Представленная Павловым биография полна ярких событий: религиозное прозрение на Афоне во время праздника святого Афанасия, затем бегство от отца и крещение в другой православной греческой обители, утрата огромной суммы денег и скитания по Венеции, Молдавии, Кипру, тюремное заключение и, наконец, прибытие в Российскую империю. Свой выбор в пользу России Павлов пояснил так: «Потому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во св. горе Афонской, а неможно мне было туда ехать, то принял намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом монастыре»⁶. После изложения всех перипетий своей жизни (вымышленных или реальных?) крещеный еврей перешел к своей просьбе: «для определения меня странного и бедного к научению грамоте, потребным награждением на пропитание и содержание. За что долженствую до гроба моего Всевышняго Бога молить». Коллегия иностранных дел передала прошение Павлова в Петербург, сочтя, очевидно, что дела о неопитах находятся в ведении не светских, а духовных учреждений. При этом дело крещеного еврея со столь примечательной биографией (ведь абсолютное большинство выкрестов еврейского происхождения были выходцами из соседней Речи Посполитой) было направлено не в местную Московскую синодальную кантору, а напрямую в Санкт-петербургскую канцелярию Синода. Ответа из столицы Павлов не получил, но не сдался и направил повторное прошение. И снова в качестве писаря выступал студент Московской славяно-греко-латинской академии – Георгий Герасимов⁷. На этот раз просьба новокрещеного была удовлетворена, постановление Синода гласило: «В рассуждении ево, новокрещена, чужестранства и неимущества, выдать ему, Павлову, ныне, во образ милостыни, из положенной на канцелярской св. Синода расход суммы 10 рублей, записав в расход с роспискою...»⁸. Уже через несколько месяцев неопит снова ходатайствовал о выдаче ему материальной помощи, поскольку он «претерпевает крайнюю бедность». На этот раз он направил свою просьбу в светскую ин-

станцию: материалы об этом отложились в фонде Штатс-конторы Российского государственного архива древних актов⁹. Когда же деньги закончились, последовало еще одно прошение от Павлова все с той же формулировкой причины обращения: «по иностранству моему претерпеваю нужду».

Нужно заметить, что, как правило, государство не брало на себя никаких обязательств по материальной поддержке неопитов, им предоставлялся лишь ряд льгот: освобождение от рекрутской повинности, от подушного оклада, личная свобода с правом выбора рода деятельности и места жительства. Финансовые средства выдавались новокрещеным лишь по их непосредственной письменной просьбе (за исключением массово крестившихся мусульман и язычников Поволжья и Урала, для которых существовали отдельные пособия за крещения в зависимости от пола и социального статуса¹⁰). Проявив настойчивость в своих просьбах, Иван Павлов получил не только 10 рублей: далее на неопита буквально посыпались льготы: ему выдали еще 10 рублей, направили в московский Заиконоспасский монастырь учить русский, выдали бесплатно книги (азбуку, букварь, часослов, псалтырь ученую, месяцеслов в переплете), а также 50 рублей на одежду и обувь. В контексте крещения евреев все перечисленное уже представляет весьма внушительную награду за «восприятие веры». Однако неопит посчитал, что этого мало.

Распоряжение Синода было исполнено в точности: Павлов получил все, что было перечислено в документе. Однако совсем скоро Синод вновь получил челобитную от него. Во «всеподданнейшем прошении новокрещеного еврейца» Иван Павлов сообщал, что получил все 70 рублей, выделенных государством, и живет «без всякаго стеснения» в Николаевском греческом монастыре в Москве (где он поселился, очевидно, позже). Отметим, что Николаевский греческий монастырь был выбран Павловым неслучайно. Будучи православным, но при этом чужим в России, неопит нашел наиболее комфортную для него среду проживания – греков, с чьим языком он был знаком с детства, с кем непосредственно взаимодействовал в повседневной жизни, у кого нашел приют после крещения. Заметим попутно, что сам Иван Павлов не только говорил, но и умел писать по-гречески. Во всяком случае, об этом свидетельствует его довольно уверенная подпись под текстами прошений, отправленных в Коллегию иностранных дел и Синод.

Между тем проситель вскоре вновь столкнулся с финансовыми трудностями: «и по получении я, именованный, означенного награждения на платье и на домовые припасы издержал тридцать

рублев, а потом впал в великую болезнь. На лекарства и лекаря издержал 20 рублей»¹¹, а остальные деньги прожил и в связи с этим «не имею себе никакова пропитания, а от правительствующего Сената по делу моему не могу решения дожидаться». Свое положение неофит характеризует как самое плачевное и просит вновь выдать ему денег «для пропитания», а также «в государственную иностранных дел коллегию о решении моего дела вторичную промеморию послать, дабы я бедный из чужестранства за продолжением дела не пришел бы в крайнее разорение и убожество»¹². На этот раз Синод распорядился выдать Павлову «во образ милостыни» еще 20 рублей.

И снова, спустя три месяца, Иван Павлов направляет прошения по инстанциям. На этот раз ставки выросли. Неофит заявляет, что ему сообщили в Коллегии иностранных дел, что «яко иностранному и неимущему человеку без определенного окладного к пропитанию жалования здесь быть отнюдь невозможно и в святейшем правительствующем Синоде таковой суммы из какой меня нижайшего таким жалованьем удовольствовать»¹³. Павлов просит ни много ни мало, а 120 рублей в год, поясняя, что сейчас он получает лишь три рубля в месяц. Однако в этот раз аргументы неофита уже гораздо более детальны: «В Россию по восприятию святого крещения выехал, оставивши все свое иждивение в иностранном государстве нищетою, в пребывание мое ныне в Москве сверх покупки себе пищи и одежды нанимаю квартиру и для отопления оной покупаю дрова по одержимой моей немощи и на покупку для лечения медикаментов и на зарплату лекарем тако ж потребна мне денежная сумма». Из этого документа нам становится известно, что Павлов уже проживает не в монастыре, а в съемной квартире, причем, вероятно, находится на полном иждивении государства и не ищет себе иного занятия.

Синод подсчитал, что затраты на Ивана Павлова уже составляли 90 рублей, однако распорядился и далее выплачивать ему 15 рублей одновременно и к этому еще по три рубля в добавление к тем трем, что он уже получает, но лишь в течение одного 1754 года. Каковы же аргументы Синода? Очевидно, здесь сыграла роль биография, изложенная Павловым. Канцелярия выдала деньги, поскольку новокрещенный, «будучи по отчеству своему человеком славным», лишился всего своего богатства и имущества ради принятия веры, и деньги ему необходимо выдать во избежание «недовольствия и чувства огорчения»¹⁴. В данном случае биография иммигранта сыграла роль послужного списка, или списка заслуг, и подняла статус неофита в глазах представителей российской власти¹⁵.

В деле канцелярии Синода об Иване Павлова есть сведения по крайней мере о восьми прошениях о материальной помощи и выдаче жалования. Всякий раз манипулируя своим статусом новокрещеного иноземца, Павлов умудрялся получить желаемое. Жалобы о бедности и убожестве, связанные с его положением иностранца (в том числе и плохое знание русского языка), плохо сочетаются с целым рядом деталей. Иван Павлов, крещеный еврей из Фессалоников весьма грамотно ориентировался в тонкостях бюрократической системы: так, прежде чем подать прошение о выдаче ему 120 рублей в год, он заручился поддержкой Коллегии иностранных дел. А кроме прочего, ему удалось без всякого на то разрешения прорваться с очередным прошением лично к императрице Елизавете Петровне, о чем нам становится известно из документа, запрещающего ему впредь докучать императорской семье: он «о своих нуждах прозбою своей самое ея императорское Величество и их императорские Высочеств и в судебном месте нигде никого без позволения святейшего правительствующего Синода не утруждать под опасением неупустительного штрафа, в чем с него и подписка взята»¹⁶.

Сама же императрица Елизавета Петровна явно оказывала покровительство неопитам, в том числе еврейского происхождения. Так, в центральном печатном органе Российской империи, «Санкт-петербургских ведомостях» от 11 декабря 1752 г., размещено сообщение о Высочайшем присутствии императрицы при церемонии крещения рижской еврейки Гетхен Герце¹⁷. Елизавета Петровна распорядилась о том, чтобы восприемниками стали высокопоставленные особы – архиепископ Нарвский и Псковский Симеон и близкая подруга императрицы Мавра Егоровна Шувалова, известная в русско-еврейском контексте своим резким анти-еврейским высказыванием (из своей поездки в Нежин в 1738 г. она писала своей подруге Елизавете Петровне: «...жидов здесь множество, и видела их собак»¹⁸).

За период с 1753 по 1766 г. Иван Павлов успел обратиться во множество российских официальных инстанций, всякий раз жалуясь на свою незавидную участь, статус чужака-неопита, слабое здоровье и прочие несчастья. Последний документ в обширном деле Павлова – запрос из Святейшего синода в Кабинет Ея Императорского Величества о статусе и основании пребывания выкреста Павлова в Троице-Сергиевой лавре, из которого следует, что неопит содержится в лавре по причине своей «болезни и дряхлости» и ему выдавалась «порция против семинарских той лавры учителей с некоторым уменьшением»¹⁹. На этом след Ивана Павлова теряется.

Однако уже в 1782 г. в фонде Канцелярии Синода мы обнаруживаем новые подробности о жизни знакомого нам Ивана Павлова, по-прежнему именуемого в официальных бумагах «новокрещеном»²⁰. Инициативным документом в деле стало личное прошение Павлова о переводе назначенной ему в 1767 г. пенсии из Москвы (он получал деньги в Свято-Троицкой лавре, где и проживал) в Киев. Из источника становится известно, что Иван Павлов оказался в итоге в Благовещенском монастыре в малороссийском городе Нежине. Риторика прошения оставалась неизменной – очевидно, неофит использовал ее как наиболее эффективную. Текст был наполнен формулами-жалобами на бедственное положение. Павлов использует свойственные ему «беспрюитрышные» обороты: «в разсуждение моей бедности», дабы впредь «в пропитании себе не претерпевать крайняго изнурения» и т. д. Синод распорядился перенаправить его ходатайство в светскую инстанцию для перевода пенсии в Киев. Важно отметить, что Павлов едва ли случайно избрал Нежин в качестве места своего пребывания, во всяком случае, в этом переезде можно усмотреть довольно легко угадываемый «греческий след». Как известно, Нежин был одним из крупнейших ярмарочных городов, привлекавших купцов отовсюду, в том числе, здесь проживала и довольно значительная по численности греческая диаспора. Можно предположить, что Павлов по-прежнему сохранял старые связи и в данном случае успешно использовал их для поиска более подходящего места проживания.

Случай Ивана Павлова, безусловно, представляет явное исключение: этому неофиту удалось получить максимальную материальную помощь от государства, обеспечить себя бесплатным жильем (сначала в Николаевском монастыре, в Заиконоспасском – для обучения российской грамоте, а затем в Троице-Сергиевой лавре и, наконец, в Благовещенском монастыре в Нежине) и при этом не работать (или тщательно скрывать это). Успех большинства предприятий Ивана Павлова явно свидетельствовал о высоком уровне адаптации неофита к новой среде, во всяком случае к ее бюрократической составляющей.

Довольно сложно делать универсальные выводы о том, как конструировалась идентичность крещеного еврея в России в исследуемый период за пределами официальных источников. Однако постоянная апелляция к своему положению «новокрещеного из жидов» в исследованных нами материалах позволяет заключить, что память о происхождении была актуальна в течение всей жизни не только для самих переселенцев, но и для представителей власти. Статус неофита давал привилегии в налогообложении,

рекрутском наборе, а также возможность получения финансовой помощи от государства, что, безусловно, вынуждало, по крайней мере периодически, актуализировать знание о своем прошлом. Для чиновников же принятие православия, экстраординарная биография соискателя и его настойчивая личная инициатива были достаточными аргументами для удовлетворения ходатайств просителя, при этом его этническое происхождение не фигурировало в документах ни в качестве положительного, ни в качестве отрицательного аргумента.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Заблаева Т.Б.* Внутренняя политика императрицы Елизаветы Петровны: (1741–1761): Путеводитель по законодательству. СПб.: Невский ракурс, 2012. С. 58–60.
- ² См.: Указ от 1727 г. ПСЗ – I. Т. 7. № 5032.
- ³ ПСЗ – I. Т. 10. № 8673.
- ⁴ См., например, дело о крещении еврея в 1739 г. Инициативным документом в деле стал запрос священника пограничного села Триполья Николая Величковского митрополиту Рафаилу Заборовскому о том, какие официальные процедуры необходимо провести прежде, чем ввести иудея в церковь. Митрополит снабжает Величковского подробной инструкцией со списком вопросов к соискателю: их список был абсолютно стандартен и применялся ко всем желавшим пересечь границу и поселиться в России (Центральный державний історичний архів України (ЦДІАК). Ф. 127. Оп. 135. Д. 85. Л. 2–2об.).
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 2–4об.
- ⁶ Там же. Л. 3об.
- ⁷ См. подписи (Там же. Л. 4, 11).
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 279. Оп. 1. Д. 3594.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Khodarkovsky M.* Ignoble Savages and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples: 1750–1917.* Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997. P. 9–26; *Idem.* The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia.* Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2001. P. 115–143.
- ¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 33.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 41.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.

- ¹⁵ Заметим, что ту же функцию послужного списка выполняла исповедь иноземца перед крещением в практике XVII в. Подробнее см.: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 19.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 58.
- ¹⁷ Санкт-петербургские ведомости. 11 декабря 1752 г., пятница. № 99. С. 4. Нумерация страниц условна, поскольку в самом издании отсутствует.
- ¹⁸ *Оршанский И.Г.* Русское законодательство о евреях: очерки и исследования. СПб.: Тип. и литогр. А.Е. Ландау, 1877. С. 17.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 80–80об.
- ²⁰ Там же. Оп. 63. Д. 227.

*Приложение***Челобитная новокрещеного Ивана Павлова
на имя императрицы Елизаветы Петровны**

(Л. 2) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня Императрица Елисавета Петровна самодержица всероссийская государыня всемиловитейшая бьет челом новокрещеной жид Иван Павлов, а о чем мое прошение тому следующие пункты:

1. Родом я вышеименованный от Фессалоник сын знатнаго и богатаго жида именем Моисея, котораго знают все монастыри находящиеся во святой горе Афонской, потому что он в нуждах их, каковыми они отягощаются от неверных агарян, способствует дачею взаем ис процента своих денег немалыми суммами и при наступании срока платежу обыкновенно он своего брата а моего дядю вместе со мною во святую гору для собирания тех денег посылывал, как о том известно и находящимся здесь в николаевском греческом монастыре тамошним святогорским архимандритом с братиею их.

2. И в 1742 году будучи я в лавре Афонской за получением из оной денег, а случилось мне в ту лавру приехать на самой праздник святаго Афанасия и обитающия там монахи все были тогда в церкви и отправляли всенощное пение, и тако вышед я из кельи, которая мне для жития определена была, прохаживался около церкви и как зашел за святой алтарь и услышал там моление, то мне пришло вдруг желание быть христианином, чего ради просил я на другой день тамошних монахов, чтоб они меня ввели в церковь, и как они о том настоятелю своему донесли, то он велел меня (Л. 2 об.) тайным образом в церковь ввестъ и вшедши я в оную, когда увидел местныя иконы Спасителя Иисуса Христа и пречистыя Богородицы, то в сердце моем некую радость восчувствовал и стал об оном у бывших тамо монахов спрашивать, они в краткости о воплощении спасителевом и что он есть проповеданной пророками Мессия от девы родившийся мне рассказали, и так я от всего сердца возжелал быть христианином, монахи же тамошние опасаясь отца моего не восхотели меня окрестить, что я видя умолчал. И возвратившись после из той Лавры в Фессалонию к отцу моему, он меня вскоре отправил в Царьград с купеческими товары, и прибывши я туды распродал товар и, взяв деньги, проехал оттуда тайным образом в Смирну к тамошнему архиерею для скрытия себя, чтоб не сведили про то жида, архиерей смирнский продержал меня у себя под скрытием три месяца, и по прошествии трех месяцев утвердился я в вере христианской, но понеже невозможно было в Смирне ему меня окрестить, то отправил он меня к протосингелу своему в Скопель, а именно в 1745 году на самой день Благовещения, а в день Лазарева Воскресения, принял я святое крещение, а крестил меня архиерей Скопелский Григорий с иеромонахом Иверского

монастыря и учителем отцем Неофитом, а понеже в той епархии не живут ни жида, ни турки то определили мне место там жить в монастыре, где я сем месяцев под охранением и прожил, после чего вскоре прибыв туда жида от Фессалонии для зделания виноградного своего вина жидовскаго называемаго касерии меня узнали и, возвратившись в Фесалонию, объявили о том отцу моему и отец мой без (Л. 3) умедления поехал в Царьград для испрошения тамо султанской галеры, на которой бы ехать для взятия меня, и издержал на то 30 мешков денег, я же, не будучи о том нимало известен, жил в своем месте без всякаго опасения, но и греки, получивши ведомость из Фессалонии о отце моем и дяде, тот час ко мне отписали в Скопель, чтоб я оттуда убрался, дабы меня отец мой там не застал. Я увидя себя в немалых заботах, по тому что деньги свои росчал на карабли и с проценты ротным людем, а собрать их тех скоро не мог, не знал, что делать, однако по присоветованию греков при нужде я нашелся выехать из турецкой земли на корабле в Корфы область Венецианскую, а оставшия мои в Скопеле на должниках деньги поручил я собрать и переслать ко мне им грекам, по отлучении же моем из Скопеля прибыла туда галера султанская с вооруженными людами, отец и не застав возымел на отца моего крестного да еще трех греков и моего учителя иеромонаха Иверского подозрение, что они меня скрыли и тако их забрал посадил на галеру и отвезли с собою в Царьград.

3. Пробывши я в Корфах год и не имея наконец чем себя пропитать, поехал паки на корабле тайным образом в Скопель, собрал своих денег «23» мешка из коих в каждом сичается по 300 рублей. Собравши же денги послал их архиерею Сминскому, архиерей отправил их в Царь Град на искупление вышереченных взятых в плен на галеру. Но не будучи довольно на оное искупление тех денег, собрали еще с христиан подаянием и дополнили достальную сумму всего до «30» мешков, выручили взятых в полон с галеры, а я остался в крайней нищете и только от подаяния честных христиан свое пропитание имел.

4. И усмотря я паки, что в Скопеле жить мне невозможно, просил там себе писменного от тамошних обывателей свидетелства (Л. 3 об.), но онаго мне не дали, потому что опасались, дабы не перехватили мене где нибудь с сими писмами, от чего б они в беду попасться не могли, и тако отъехал я тайным образом в Фессалонию вторично к находящемуся тамо английскому консулу в дом его, которой имеет при себе некотораго учителя грека от Фессалонии моего приятеля, оной за меня вступился и исходатайствовал писмо от митрополита Фессалоникскаго о проезде моем в Молдавию, и таким образом я в Молдавию отъехал и прожил там три года во время бывшаго там господаря Константина Маврокордата, а из Молдавии пожелал отъехать в город Янины для обучения еллиногреческаго языка. По тому что там находятся превеликия школы, где учатся по гречески и по латински. И тако при переезде моем через реку Дунай

встретился там со мною дядя мой, которой ехал с пашею и, меня узнавши, отдал меня тому паше, от коего я содержан полгода в тюрьме под караулом, и что не было при мне денег, платья, писем, оное все у меня отобрали и оставили совсем почти нага, но напоследи христианския православнаго исповедования купцы собрали милостыню и меня ею у паши выкупили и отправили на своем иждивении в Венецию с писменною рекомендацією к жительствующим тамо знатным греческим купцам Марации и Караянию, где я прожил на их содержании три месяца, но понеже между италианским духовенством жить я не похотел, по тому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во святой горе Афонской, а неможно мне было туда отъехать, то принял я намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом Иверском монастыре и тако из Венеции отправили меня в Вену (Л. 4), где паки содержали меня на своем иждивении греки, а потом отправили меня в Петроварадин с писмами к находящемуся там российскому учителю Симеону Христиану, а он мне дал к Севской митрополии к префектову племяннику письмо ж, кое я по прибытии моем в Киев «5» числа ноября прошлаго 1752 года ему и отдал и он мне объявил, что реченной Симеон Христиан о мне пишет, что желаю я постричься, и тако хотя он префект доложить о том митрополиту своему обещал, однако ж чрез два месяца волоча со дня на день ничего со мною не учинил, чего ради подал я прошение в Киевской губернской канцелярии, чтоб отпущен был до Нежина, где находятся греки, и тако дан мне от той канцелярии пашпорт со взятъем от меня присяги. По прибытии моем в Нежин жил я там един месяц и из Нежина приехал сюда в Москву в греческой монастырь, что же я претерпел в турках от моих родителей и сродников, о том известно всем грекам.

5. А понеже желаю я ныне жить непременно в Российской империи, но не имея чем себя пропитать и содержать, того ради всенижайше прошу Дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение в государственную иностранную коллегию принять и отослать в св. прав. синод для определения меня страннаго и беднаго к научению грамоте, с потребным награждением на пропитание мое и содержание. За что должествую до гроба моего Всевышняго Бога молить» (Л. 4 об.)
Всемилоостивейшая государыня прошу вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить мая _____ дня 1753 году.

К поданию надлежит в Государственную Иностранную коллегию. Прощение писал Московской славенореколатинской академии студент Петр Дмитриев.

Внизу страницы подпись по-гречески: Иван Павлов

На каждой странице гербовая печать.